

Б. А. Рыбаков,

академик,

Герой Социалистического Труда, лауреат

Ленинской премии,

почетный член

Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры

Колыбель отечественной государственности

Советские люди отпраздновали много юбилеев своих городов. В одних случаях юбилейный срок измеряется годами, и праздник иной раз проводят те самые люди, которые впервые расчищали здесь тайгу и закладывали первые камни. В других случаях этот срок насчитывает несколько столетий (Москва, Новгород, Смоленск, Минск, Рига и многие другие). Есть весьма древние города, срок жизни которых исчисляется тысячелетиями: Ереван, Тбилиси, Самарканд — города, возникшие в зоне древнейших южных цивилизаций.

На необъятном пространстве Восточно-Европейской равнины старейшим городом наши отдаленные предки всегда считали Киев, а все другие города в украинских, русских и белорусских землях рассматривались как «сыновья» этого древнего материнского центра.

Тысячу лет тому назад Киев был уже столицей огромного и могучего государства, известного во всех концах тогдашнего Старого Света. Историки в своей научной терминологии так и нарекли эту державу — Киевская Русь. К концу X века Киев широко раскинулся по днепровскому берегу. Здесь были крепости, княжеские каменные дворцы, языческие святилища и христианские храмы, торговые площади и посады; у подножия прибрежных гор были «корабельные пристанища», и здесь же ежегодно изготавливался и оснащался флот из сотен людей, которому предстояло плавать не только по Днепру, но и по Черному (Русскому) морю, и по Азовскому, и по далекому Каспию, именовавшемуся «морем Хорезма».

О тогдашнем Киеве писали греческие и западноевропейские писатели, к Киеву стремились варяжские мореходы — полуразбойники, полукупцы, нанимавшиеся на службу к киевскому князю. Два года тому назад Киев мог праздновать тысячелетие очищения города от этих буйных

и требовательных наемников: князь Владимир, руководимый Добрыней (воспетым в богатырском былинном эпосе), изгнал варягов в Византию, предупредив императора: «Не держи их в своем городе, а то они натворят тебе зла, как и здесь (в Киеве), но рассредоточь их в разных местах, а сюда не пускай ни одного!»

О Киеве хорошо знали на Востоке; арабские и персидские географы и путешественники чертили на картах пути в Киев, измеряли количество «дорожных станций» до Киева, описывали товары, которыми торгует «Куяба» — Киев, и считали его первым из созвездия среднеднепровских городов:

Киев — «ближайший город русов к странам ислама. Место благодатное и местопребывание царей. Из него вывозят разнообразные меха и ценные мечи...».

(«Книга областей мира». Основа источника восходит к IX в.)

К концу X века киевляне сами рассказали о своем городе потомкам, сложив, в первых, целый цикл народных былин о событиях 970—990-х годов, а во-вторых, составив из легенд, записей и воспоминаний первый летописный свод 997 года, дополненный красочными миниатюрами.

В былинах, которые были записаны в XIX веке на далеком Севере, древним Киевом неизменно начиналось повествование о богатырских делах: «*Как во славном было во городе во Киев...».*

По этим былинам архангельские и вологодские крестьяне, отстоявшие по времени от Киевской Руси на девять столетий, а от современного им Киева на две тысячи километров, узнавали о важнейших исторических событиях древности, о первенствующей роли Киева.

Киевский летописец, писавший тысячу лет тому назад, мало интересовался временем возникновения своего города —

Киев.
Софийский
собор.

¹ Бартольд В. В. Худуд-ал-Алем. Л., 1930.

слишком много событий происходило у него на глазах: войны с печенегами, походы на Византию, принятие христианства, усобицы князей, строительство новых городов... Он ограничился тем, что вписал на свои страницы краткий пересказ древнего предания, известный теперь всем со школьных лет:

«Поляне живяху кждо с своим родмь на своих местех, владеюще кждо родмь своимь.

И быша 3 братия: единому имя Кый, а другому — Щек, а третьему — Хорив. (А сестра их — Лыбедь).

И сядеше Кый на горе (идеже ныне увоз Боричев, а Щек сидяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоривица). (Помещенное в скобках принадлежит, по-видимому, летописцу Никону 1073 г., снабдившему старый текст примечаниями, в которых древние урочища соотносились с топографией

Киева — отдаленное событие, совершившееся в эпические времена, но когда именно оно произошло, когда и какие сказания слагались о нем, из этой записи неясно. Может даже возникнуть сомнение в самой сущности летописных строк: город ли назван в честь какого-то Кия или же сама легенда об основателе выдумана для объяснения имени города? И сомнения возникли уже девятьсот лет тому назад. «Инии же несведуще реша (говорили), яко Кый есть перевозчик был — у Киева об бяше перевоз тьгда с оная страны Дънепра — темь глаголаху: «На перевоз на киев»³.

Создателями такого нигилистического отношения к киевскому преданию были новгородцы. Новгород, построенный киевлянами в IX веке как стратегический форпост на северных путях, быстро расцвел и начал соперничать с Киевом, стремясь к полной политической эмансипации.

Новгородские сепаратисты не только низвели легендарного Кия до уровня

Музыканты и скоморохи. Фрагмент росписи Софийского собора в Киеве.

Киева времен сыновей Ярослава Мудрого. — Б. Р.)

И сътвориша градък во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему — Киев.

И бяху около града лес и бор велик и бяху ловяще зверь...»²

Запись невелика — всего лишь три-четыре фразы — и мало информативна. Ясно, что для летописца основание

лодочника-паромщика, но и привели фантастическую дату начала Киева — 854 год. Все это должно было работать на новую историческую концепцию создания Русского государства, концепцию, ставившую (вопреки всем очевидным фактам) в основу государственности Киевской Руси северные племена, группировавшиеся вокруг Новгорода и будто бы призвавшие варягов княжить у них. Эти тенденции и вместе с тем крайне наивные

² Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916, с. 8—9.

³ Шахматов А. А. Повесть временных лет, с. 9.

София Киевская.
Дмитрий
Солунский.
Мозаика.

взгляды были подхвачены в XVIII веке во времена бироновщины норманистами и легли в основу норманской теории. Борьба за истину о Кие, борьба с древними «протонорманистами» началась еще в XI веке.

Киевские историки не остались в долгу и ответили «несведущим». Первый ответ был дан в торжественной форме составителем летописного свода 1093 года (перевод):

«Как в древности был царь Рим (Ромул) и в его честь назван город Рим. Также Антиох и был (город) Антиохия... был также Александр (Македонский) и во имя его — Александрия. И во многих местах города были наречены во имя царей и князей.

Так же и в нашей стране назван был великий город Киев во имя Кия».

Два десятка лет спустя крупнейший русский историк средневековья — киевлянин Нестор — предпринял целое исследование для выяснения древнейшей истории Киева. Нестор изучил древние сказания (а в его время еще хорошо помнили и о готских походах IV в. и о славянском князе Бусе, плененном готами, о нашествии авар в VI в., о славянских походах на Балканы в VI в.) и обрисовал облик Кия подробнее, чем в кратком предании. Перевод:

«Если бы Кий был перевозчиком, — писал Нестор, — то не мог бы ездить в Царьград (совр. Стамбул). Но Кий был князем в своем племени и приезжал к императору, имя которого нам неизвестно, но мы знаем, что от того императора, к которому он ездил, князь получил великую честь. На обратном пути, на Дунае Кий построил на понравившемся ему месте небольшой городок и предполагал осесть в нем со своими соплеменниками, но местные жители воспротивились.

До сих пор дунайцы называют «городище Киевец». Кий же, вернувшись в свой город Киев, здесь и скончался... После смерти Кия и его братьев его династия правила в земле Полян».

Нестор не знал имени цесаря, оказавшего «честь велику» полянскому князю Кию, но он и не стал выдумывать его или называть случайное имя.

Размышления старинных историков о начале Киева на этом не кончились.

Окончательное редактирование «Повести временных лет» Нестора производилось, по мнению Шахматова, около 1118 года под наблюдением князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха. Внук (по матери) английского короля, муж варяжской принцессы, тесть нор-

вежского и датского королей, князь Мстислав, двадцать лет проведший на севере Руси в Новгороде, был прочно связан со всей Северной Европой и именно с этих позиций смотрел на историю Руси, превеличивая роль варягов в ее судьбах. Везде, где только можно было, Мстислав вставлял легенды о варягах, о призвании варяжских князей и отождествлял варягов с русами, становясь тем самым родоначальником ошибочной и тенденциозной норманской теории.

Эта тенденциозная редакторская правка сильно исказила и отдалила от истинного положения вещей историю возникновения Киева и Киевской Руси. На место действительно древнейшего восточнославянского города Киева неправомерно был поставлен Новгород, новый город, построенный киевлянами в IX веке для противодействия варяжским наездам на северную окраину Руси. К счастью для науки, редакторы-норманисты XII века не выкинули из своей летописи разыскания Нестора о князе Кие подобно тому, как они поступили с некоторыми разделами исторического введения.

* * *

Итак, «Повесть временных лет», драгоценнейший источник сведений о Киевской Руси, начала свой пятивековой путь в древнерусской книжности с искаженными редакторами начальными страницами, с недосказанными и недоказанными легендами, преданиями и вымыслами об основании Киева.

Необходимы розыски других материалов, проверка и уточнение сведений летописцев.

Помощь неожиданно приходит со стороны Армении. Н. Я. Марр, крупный знаток армянской литературы, установил, что в составе полуэпической истории армянского народа, датируемой VIII веком н. э., написанной Зенобом Глаком, есть инородное для данного текста сказание о трех братьях, которое ученый справедливо сопоставил с киевским преданием. Старшего брата в армянской легенде звали Куар (Кий), среднего Мелтей, а младшего Хореван (Хорев); последний жил в земле Палуни (Поляне). Братья-князья со временем построили на горе Керкей, где был «простор для охоты и обилие трав и деревьев», новый город и поставили там двух языческих идолов. Совпадение обоих преданий почти полное, но, естественно, возникает вопрос о том, каким образом армяне VII—VIII веков могли познакомиться со славянским эпическим сказанием о Кие, Щеке и Хориве?

Здесь необходимо рассмотреть две возможности. Во-первых, славяне соприкоснулись с армянами в эпоху византийского императора Маврикия (582—602),

когда славяне отвоевывали у империи Фракию и низовья Дуная, а Византия направила сюда армянский корпус во главе со Сомбатом Багратуни. Второй реальной возможностью для армян ознакомиться с киевским преданием были события 737 года, когда арабский полководец из династии Омейядов Марван воевал с Хазарией и достиг «Славянской реки» (очевидно, Дона), где пленил 20 000 оседлых славянских семейств и переселил их в Кахетию, расположен-

ное время. Если же перенесение киевского предания на армянскую почву следует связывать с пребыванием Багратуни на Дунае (где тоже славянские воины могли оказаться в плену), то дата сложения киевского сказания отодвигается еще глубже — к VI столетию.

К середине VI века относится весьма важный для нас византийский источник — подробное сочинение Прокопия Кесарийского, секретаря полководца Веллизария (известного древнерусским

София Киевская.
Дочери
Ярослава
Мудрого.
Роспись.

ную в непосредственном соседстве с Арменией. Этот второй вариант, пожалуй, более вероятен, чем дунайский, хотя в пользу первого говорит то, что именно в низовьях Дуная жил и действовал реальный князь Кий и даже построил там (уже после основания Киева) городок Киевец.

Хронологический вывод из армянской «Истории Тарона» Зеноба Глака таков: Киев был построен до 737 года, когда славяне со «Славянской реки» были переселены в Закавказье. Более того, славянские переселенцы унесли с собою не просто сведения об основании Киева, а уже сложившееся эпическое сказание с характерной для фольклора троичностью гербов (братьев); для этого нужно было некото-

ру книжникам). Особенно интересна для нас его «История войны с готами»⁴, где Прокопий, очевидно, со слов армянина Нарзеса, приводит несколько запутанные сведения о событиях самого начала VI века во Фракии в низовьях Дуная, во многом напоминающие рассказ Нестора о Кие и его службе царю Византии на Дунае. Император Юстиниан около 530 года направил сюда претора византийских войск, носившего (антское) имя Хилбудий⁴.

В рассказах Прокопия четко обрисовывается историческая ситуация, близкая к той, которая описана Нестором: славяне и тюрко-болгары начиная с 493+

⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. Книга III, глава 14, с. 294—298.

494 годов нападали на северо-восточный, нижнедунайский угол византийских владений. Византийские императоры принимали на службу дружины отдельных славянских князей (князь Кий был щедро одарен императором), поручали им крепости на дунайской границе (Кий поставил «градок» на Дунае), и славянские союзники Византии вступали в конфликт с теми своими соплеменниками, которые стремились прорвать пограничную линию империи («и не даша ему ту живущие...»).

Не следует отождествлять Хилбудия и Кия: данных для этого нет, но схожесть ситуации налицо.

Ситуация, описанная выше, вполне подходит к эпохе Юстиниана (527—565), но обратим внимание на то, что Нестор говорит о цесаре, имя которого ему неизвестно. Юстиниан же, блестящий правитель, создатель кодекса законов, строитель Софии Цареградской, был хорошо известен русским источникам. Не был ли этим неведомым цесарем один из предшественников Юстиниана — Юстин I (518—527) или Анастасий (491—518)? При Анастасии, в конце V века, начались нападения славян на дунайскую границу Византии. Монета императора Анастасия была найдена в Киеве на Замковой Горе, которую, как увидим ниже, можно отождествлять с первоначальной резиденцией Кия.

Эти императоры — Анастасий и Юстин — действительно неведомы русским летописцам, так как соприкосновение наших предков с Византией тогда только лишь начиналось.

В свете сопоставления летописных сведений с византийскими представляет немалый интерес та версия предания о Кие, которую мы находим в поздней Никоновской летописи; она отличается некоторыми деталями от рассказа Нестора, что не должно нас удивлять, так как в руках московских историков XVI века могли быть рукописи, не дошедшие до нас⁵.

Рассмотрим текст Никоновской летописи (существенные отличия подчеркнуты):

«Аще бы был Кий перевозник, не бы ходил к Царюграду с силою ратью, но сей Кий, княжаше в роде своем и ратоваше многи страны.

Тоже с константиноградским царем миром и братьским живяше и велию честь приимаше от него и от всех. Идишу же ему з вои, на Болгары ходив, и прииде к Дунаю и възлюбил место и съезда град...

Тоже на воложския и камския Болгары ходив и победи...»⁶.

Начало рассказа о Кие (опущенное здесь) совершенно сходно с Нестором; дополнения начинаются только с «внешней политики» полянского князя. Если бы они ограничивались одними экспрессивными примечаниями, возвеличивающими Кия, то они не заслуживали бы внимания. Но здесь есть одно существенное дополнение, полностью вписывающееся в реальную историческую обстановку V—VI веков. Это — свидетельство о войнах Кия с болгарами как на Дунае, так и где-то в более восточных степях, что неумело выражено в пересказе: «волжские и камские болгары». Речь, очевидно, идет о тех многочисленных ордах тюрко-болгар, которые тогда кочевали по всем причерноморским степям.

Существенным отличием от Несторова рассказа является различие маршрутов Кия: по Нестору, князь оказался на Дунае, идя из Константинополя «вспясть», обратно. А по версии XVI века, он достиг Дуная «на Болгары ходив», что исторически более вероятно. Трудно допустить, что цесарь Византии V—VI веков посылал посольство в новостроенный Киев на Днепре; скорее всего, дело обстояло так: полянский князь, возглавивший движение славян (в том числе и антов) на Балканы, действительно воевал с гунно-болгарами и дошел до низовий Дуная. Именно сюда (как это было и при Юстиниане) неизвестный цесарь направил послов к победоносному славянскому князю, пригласив его служить на дунайской границе, где Кий построил (или вновь оборудовал старую римскую крепость Киевец. Кию противостояли «тамо живущие, всегда рати сотворяюще», то есть другие славянские племена, готовившиеся ко вторжению в империю).

Все привлеченные нами дополнительные источники свидетельствуют о том, что летописный рассказ о Кие вписывается только в одну историческую эпоху — от конца V века до конца VI века, а внутри этого отрезка наиболее вероятным представляется наиболее ранний отрезок, предшествующий царствованию Юстиниана (491—518).

Следует отметить, что построение Киева предшествует походу Кия на Дунай и его поездке в Константинополь.

* * *

Есть еще один метод проверки древности Киева — это археологические данные о поселениях на месте современного города. Раскопки с научными целями ведутся в Киеве с начала XIX в. Многие дали даже случайные находки при разных земляных работах. Но только советским археологам (ленинградцу М. К. Каргеру, киевлянам: П. П. Толочко,

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963, с. 162.

⁶ ПСРЛ, т. IX, Спб., 1862, с. 4.

Интерьер
Софийского
собора в Киеве.

С. Р. Килиевич, Я. Е. Боровскому и др.⁷) удалось создать сводную картину многовековой жизни древнего города. Заранее следует оговориться, что когда речь идет о *возникновении* того или иного города на заре государственности, то не следует ожидать, что лопаты археологов откроют нам могучие стены и башни, просторные дворцы, улицы, торговые площади, пристани, храмы, пригороды, все то, что действительно открывают для более позднего времени *расцвета* городов. Нас не должно разочаровывать, что исходная точка будущей столицы может оказаться небольшим поселением или невзрачной, на наш взгляд и на наши масштабы, маленькой крепостицей.

Вторым условием использования археологических данных для воссоздания исторического значения того или иного пункта является широкий взгляд на жизнь всего того региона, в котором этот пункт находится; здесь важно как место изучаемого пункта внутри региона, так и положение самого региона среди его соседей, его общая историко-географическая ситуация. Только при таком подходе мы и сможем приблизиться к пониманию исторической роли Киева.

Анализ археологических материалов за две тысячи лет до образования Киевской Руси уполномочивает нас на следующие выводы:

1. В конце бронзового века Среднее Поднепровье представляло собой восточную окраину славянской прародины. Отсюда из лесостепной Киевщины шла колонизационная струя праславян на север и северо-восток в лесную зону.

2. В скифское время (VI—IV вв. до н. э.) здесь продолжали жить те же земледельческие праславянские племена, имевшие собирательное имя «сколотов», резко отличавшиеся по хозяйственному облику от скифов-скотоводов, но причисляемые греками к населению Скифии (в территориальном или государственном понимании?). Сколотские «царства» вели торговлю хлебом с Грецией через черноморский порт Ольвию близ устья Днепра. Район будущего Киева был тогда северной окраиной одного из этих сколотских «царств», центр которого находился южнее, очевидно, где-то в излучине Днепра близ низовий реки Роси, где известны скопления античного импорта и огромные земляные крепости, расположенные в самой сердцевине той обширной археологической группы курганов и поселений, которую исследователи условно называют «киевской группой». Она простиралась вдоль Днепра (древ-

него Борисфена) на 400 километров, точно соответствуя описанию Геродотом (V в. до н. э.) земли «борисфенитов» протяженностью в «11 дней плавания»⁸. Процветание этого края оборвалось в связи с сарматским нашествием в III—II веках до н. э. Усилился колонизационный отток славян в более северную лесную зону.

3. В эпоху существования Римской империи, продвинувшейся при императоре Трояне (рубеж I и II вв. н. э.) вплотную к славянским землям, возобновилось экспортное земледелие, и лесостепная зона вновь ожила. Доказательством широких торговых связей с Римом являются сотни кладов римских монет II—IV веков, находимых в лесостепной славянской зоне Среднего Поднепровья. На территории самого Киева найдено в разных местах множество кладов монет, достигающих иногда размера сокровищ, измеряемых находчиками ведрами.

Взгляд на карту распространения находок римских монет в Восточной Европе в целом убеждает нас в том, что место будущего Киева лежало на северной границе области бытования римского серебра и представляло собой весьма насыщенный кладами участок. На киевских высотах и у их подножия (на территории будущего Подола) найдено много монет и драгоценных римских изделий вплоть до императорских медальонов. Не подлежит сомнению, что эти места были пунктом укрытия сокровищ и, очевидно, пунктом торговли «мудрых и смысленных полян».

Быть может, на основе находок римских монет (происходивших и в XI—XII вв.) один из редакторов летописи — игумен Сильвестр — и ввел в нее легенду об апостоле Андрее (I в. н. э.), будто бы побывавшем на Днепре и предсказавшем основание города.

В II—IV веках н. э. наблюдается не только оживление торговли, но и общий подъем уровня славянской жизни в лесостепи: плужное земледелие, остроумный аграрный календарь, гончарный круг, общая оборонительная линия, развитие ремесла и многое другое. Массовый приток римского серебра в славянские земли, знаменующий собою выгодный для славян торговый баланс, начался с императора Трояна, и, может быть, не случайно киевлянин XII века, автор «Слова о полку Игореве», назвал счастливые времена в истории славянства «Трояновыми веками».

4. В последовательном рассмотрении археологических материалов мы уже почти дошли до времени, близкого к легенде о Кие, Щеке и Хориве. Мы заранее должны исключить конец IV и начало

⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. Л., 1958; т. 2. Л., 1961; Толочко П. П. Киев и Киевская земля. Киев, 1980; Глиевич С. Р. Археологічна карта Київського дитинця. (Арх. дослідж. стародавн. Києва. Київ, 1976); Боровський Я. Е. Походження Києва. Київ, 1981.

⁸ Рыбаков Б. А. Геродотовы Скифия. М., 1979, с. 107, 157.

V века, когда Среднее Поднепровье испытало новый удар кочевников гуннов. Легенда ничего не говорит о построении Киева как оборонительной крепости для обороны от наездов, а по археологическим данным, мы больше знаем о пожарищах и о разорении поселений гуннами, чем о мирном строительстве.

К V—VI векам археология «Большого Киева», хорошо разработанная украинскими учеными, дает нам следующую картину: наиболее заметным участником становится так называемая Замковая Гора (Киселевка), расположенная над Подолом у Боричева взвоза и омываемая с запада и севера ручьем Киянкой. Она была заселена уже в римское время. Вспомним теперь легенду: Кий первоначально сидел на какой-то горе, «где ныне (во времена летописца) увоз Боричев», а впоследствии Кий и его братья построили городок в другом месте, рядом с бором и охотничьими угодьями⁹. На Замковой Горе, или «Горе Кия», найдены не только римские, но и византийские монеты конца V — начала VI века (например, императора Анастасия).

Хорошо известен археологам и тот новый «градок», который поставлен на новом месте, — это небольшая крепость на Старокиевской (Андреевской) Горе, которая впоследствии была включена в город Владимира I в конце X века и явилась административным и церковным центром столицы Руси. «Градок» Кия был действительно невелик: 120 × 150 м. Он был огражден валом и рвом с юго-востока и неприступными кручами горы с северо-запада.

По армянской версии предания, в новом городке были поставлены языческие идолы. В 1908 году археолог В. В. Хвойко раскопал в самом центре этого городка интереснейший языческий жертвенник, ориентированный своими выступами по странам света.

Легенда начинает получать обоснование фактами V—VI веков.

* * *

Археологический комплекс V—VI веков, связываемый с историческим Кием — «Гора Кия» (Замковая Гора), издавна заселенный торговый Подол и даже новая крепость, «градок Кия», на Старокиевской горе, сам по себе недостаточно внушителен и обширен, чтобы только по его облику и размерам можно было бы определить его важную общеславянскую роль, угадать его блестящую будущность.

Только широкий взгляд на события во всем славянском мире и на место киев-

ских гор в этих событиях и позволит нам понять то, что началось в VI веке, а завершилось созданием государства Руси с естественным и устойчивым центром в Киеве.

Летописцы начинали историю Киевской Руси с рассказа о князе Кие, то есть, как мы теперь выяснили, с V—VI веков н. э. События этой эпохи таковы: во-первых, ряд нашествий кочевых народов, под натиском которых рушились одни союзы славянских племен (например союз Дулебов) и крепились другие (Русь, объединившая в VI в. Полян и Северян). Во-вторых, началось великое расселение славян в Европе, о котором Нестор писал так: «Спустя долгие времена (после пребывания на исконной земле) славянские племена расселились по Дунаю, где в настоящее время (начало XII в.) находятся Венгрия и Болгария». Это грандиозное военно-колониционное движение славян началось в самом конце V века и продолжалось весь VI век, перекроив заново этническую и политическую карту Европы. Создалась особая ветвь славянства — южные славяне; сложились новые государственные образования, наследниками которых являются современные нам Болгария и Югославия.

Из своих исконных земель славяне двигались двумя широкими потоками: восточный поток шел по Днепру, по степям и низовьям Дуная и далее на юг сквозь весь Балканский полуостров вплоть до земли Древней Спарты. Откуда шел этот поток, сломивший сопротивление Византии и оказавшийся в силах ослабить чуть ли не весь Балканский полуостров? Одной из его составных частей были славянские дружины лесостепного Поднепровья, оставившие явные археологические следы своего пребывания на Дунае в виде серебряных фибул (застежек для плащей) особого, приднепровского типа¹⁰. Это были соплеменники и современники князя Кия, ходившие с ним на Дунай. Об этих походах помнил и автор «Слова о полку Игореве», писавший о том, что сказитель Боян пел о древних походах, когда скакали «в Тропу Трояню через поля на горы».

«Тропа Трояня» (Theopneum Trajan) — огромный монумент в низовьях Дуная, поставленный императором Трояном как трофей в ознаменование своих побед, находился в 3—4 днях пути от дунайского Киевца. Этот видимый издали величественный памятник в степи указывал славянам путь «через поля на горы», на Балканский хребет, современную болгарскую Стару Планину.

Славянские князья, подобные Кию, были представителями той части племен,

⁹ Рыбаков Б. А. Город Кия. — Вопросы истории, 1980, № 5.

¹⁰ Седов В. В. Ранняя история славян. М., 1978. Карта на с. 130, рис. 24.

которая участвовала в южных походах к границам Византии, но не оставалась там навсегда, а возвращалась в свои коренные земли. Это особенно относится к первому этапу славяно-византийских отношений, когда граница империи еще не была взломана на всем ее протяжении, когда Дунай еще разделял две борющиеся силы: южный правый берег еще контролировался Византией и ее союзниками (иногда из славян же), а северный, левый берег, уже заполнялся накапливавшимися здесь славянскими дружинами. Об этом, в частности, свидетельствуют упомянутые выше серебряные застежки для плащей (фибулы) приднепровского лесостепного типа, являвшиеся принадлежностью дружинного убора: находки этих фибул V—VI веков густо усеивают северный берег Дуная, почти не переходя на южный, византийский. Они отражают начальный этап славяно-византийского единоробства, когда славяне только накапливались на берегу Дуная, готовясь к завоеванию всего полуострова. Очевидно, именно к этому раннему этапу и относится деятельность князя Кия, народ которого, судя по археологическим находкам, тоже носил такие серебряные фибулы.

Второй этап был более массовым; после овладения пограничными крепостями славяне буквально растекались по всем землям полуострова и осели в плодородных долинах.

Чрезвычайно важно наблюдение советских лингвистов над диалектами болгарского языка: во многих диалектах прослеживается древнее соприкосновение предков современных носителей диалекта с отдаленными прибалтийскими племенами (предками латышей и литовцев), которые в то время были расселены значительно шире. А это означает, что в походах на Византию в VI веке принимали участие не только те славянские племена, которые заселяли исконную славянскую лесостепь, но и более северные племена обширной лесной зоны, смешавшиеся в процессе колонизации на север (в I—III вв. н. э.) с местными балтийскими племенами и ассимилировавшие их (например, Кривичи).

Взглянем на эти восточноевропейские события V—VI веков н. э. с точки зрения Киева. Город Кия находился на рубеже двух ландшафтных зон — лесостепной и лесной. В культурном отношении его район всегда входил в южную лесостепную зону, но его положение в этой зоне, его удаленность от степей с их воинственными кочевниками создавали благоприятные условия для жизни здесь в те времена, когда степной юг после гуннского и аварского нашествия стал особенно опасен.

Когда в первые столетия нашей эры

началось колонизационное движение на север, в лесную зону, то район будущего Киева был последней точкой в исконной славянской земле, которую покидали уходящие в леса колонисты.

Возможно, что существовали какие-то торговые связи между югом и севером, отраженные находками монет. Когда же славяне лесостепной зоны сформировали мощные племенные союзы (в одном из них и княжил Кий), продвинулись в глубь степей и дошли до границ империи, то в это движение включились и северные лесные племена. Пути их на юг пролегли по многочисленным рекам: Днепру, Десне, Сожу, Припяти, Березине. Вот тогда-то и появилась у киевских гор новая историческая роль — место будущего города лежало по течению Днепра ниже всех перечисленных рек. Ближайшими к Киеву были устья Десны и Припяти. Все племенные дружины, которые плыли по рекам лесной зоны и стремились или к южному чернозему или к участию в походах на дунайские города, не могли миновать район Киева. Город близ устья Десны запирали пути всего необъятного бассейна верхнего Днепра (около 200 тысяч квадратных километров), и властитель этих мест приобретал значение, во много раз превышавшее значение обычного князя племени или даже союза племен. От воли (и возможностей) того, кто обладал этим исключительно важным пунктом, находились в зависимости десятки племен, князья которых стремились провести свои дружины на юг. Именно в это время и потребовалось создать новую крепость на неприступной горе над Днепром. От холмов у торгового Подола и речных пристаней князю Кию, жившему на одном из таких холмов (Замковая Гора), необходимо было перейти на самую высокую точку днепровского берега и поставить там крепость, которая позволяла обозревать течение Днепра на 20 километров до Вышгорода и устья Десны. Контролируя такую магистраль, как Днепр, князь Кий мог взимать любую дань как с тех, кто плыл с верховий Днепра или по Десне, по Припяти, так и с тех, кто, обогатившись добычей на юге, возвращался в свои кривичские, древлянские, дроговичские или радимичские леса. Дружины из перечисленных племенных союзов могли вливаться в войска князя Поляна и вместе с ними воевать против кочевников и пробиваться к Дунаю.

Град князя Кия на горе не разрастался в то бурное время, так как тогда была пора не строительства, а походов, не производства, а трофеев. Но историческая роль Киева начиная с этого времени непрерывно возрастает. По всей вероятности, именно в это время происходит

слияние в один большой союз нескольких лесостепных славянских племен: русы (по реке Роси и Днепру), северян (по Десне и Сейму) и полян, живших севернее Руси, вокруг Киева. Первенство в новом союзе, можно думать, первоначально принадлежало русам. Возможный центр этого племени близ устья Роси мог находиться на Княжьей Горе (древний город Родень), где ныне находится могила Шевченко. В какой-то момент первенство переходит к Киеву, и именно вокруг него и консолидируются в дальнейшем восточнославянские племена.

Союз среднечереповских славянских племен назывался Русью, «Русской землей» (в узком смысле), но столицей этого союза становится полянский Киев, что

хазары. Летописец с гордостью говорит о том, что когда хазарский хан потребовал дани с земли полян, то поляне дали вместо дани меч, символ вооруженной независимости.

Примерно к началу IX века Киев главенствовал над половиной восточнославянских племен. Власть Киевской Руси простиралась до Западной Двины на севере и до верхнего Дона на востоке. Киевские князья, собиравшие дань со многих племен («полюдье»), везли свои товары на крупнейшие мировые рынки в Византии, Болгарии и на Востоке. Преодолевая заслоны степных кочевников, киевские флотилии направлялись по Русскому морю в Царьград (останавливаясь по пути близ болгарской столицы Преслава), а по Каспийскому морю («морю Хорезма») доплывали до Ирана, а далее русы верблюдными караванами достигали Багдада в Месопотамии и Балха на территории современного Афганистана.

Такой тысячеверстный размах ежегодных экспедиций может быть сравнен лишь с позднейшими крестовыми походами, с той разницей, что это были до появления норманнов мирные связи, обогащавшие Европу и в том числе Русь всеми богатствами Востока. Организующим центром этих связей был Киев, начавший в это время новый этап своего исторического бытия, став столицей молодого феодального государства.

Нам понятна гордость киевлян своим городом, когда в середине XII века один из них писал: «И кто убо не возлюбит Киевского княжения — понеже вся честь и слава и величество и глава всем землям Русским — Киев и от всех далних многих царств стицахуся всякие человеки и купцы и всяких благих от всех стран бываше в нем!» (Никоновская летопись 1155 г.).

Киевским историкам средневековья было чем гордиться, когда они сравнивали свой город с Римом и Александрией: Киев был столицей крупнейшего в Европе феодального государства; Киев успешно ограждал славянские народы от наездов кочевников; Киев принимал товары разных стран. Киевские князья породнились с императорскими и королевскими домами Византии, Венгрии, Франции, Польши, Англии, Швеции, Норвегии.

И всю историю Руси Киевской историк того времени начинает с ответа на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача первее княжити?»

На вопрос Нестора мы теперь можем ответить, что Киев стал важным историческим центром славянства полторы тысячи лет тому назад, на рубеже V и VI веков, еще до того, как он возглавил Киевскую Русь, державу, названную его именем.

потребовало от летописца специального пояснения: «Поляне, которые теперь называются Русью», но он же назвал Киев «матерью городов русских».

Дальнейшие события в восточнославянском мире подтвердили устойчивое положение Киева как главного центра объединения и защиты славянства.

К рубежу VI—VII веков завершилось заселение Балканского полуострова славянами; славяне восточной половины полуострова получили от тюрко-болгар свое новое собирательное имя, ассимилировали тюрков и сохранили большую близость к восточным славянам (антам), от которых они откололись в VI веке.

Степи были заняты новыми ордами кочевников, среди которых выделялись

